

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мельникова Л. А. Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 142—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160.

Melnikova, L. A. (2023). Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt...'. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 142-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160

Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды»

Мельникова Любовь Александровна
orcid.org/0000-0001-5257-6069
кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологических дисциплин
lmelnikova5@mail.ru

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени
Н. Г. Чернышевского,
Балашовский институт (филиал)
(Балашов, Россия)

Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt...'

Lyubov A. Melnikova
orcid.org/0000-0001-5257-6069
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philological Disciplines
lmelnikova5@mail.ru

Saratov State University,
Balashov Institute (branch)
(Balashov, Russia)

© Мельникова Л. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются в аспекте литературных взаимосвязей романы Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды». Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего и разнопланового изучения литературного диалога Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским. Выявляется ряд схожих мотивов, факт наличия аллюзийных «перекличек» между образами отдельных героев романов. Отмечается, что оба автора показывают губительное влияние пребывания в заключении на личность преступника. Подчеркивается, что в романах преступник лишается способности на духовное воскресение, при этом писатели критикуют несправедливое социальное устройство, толкающее «маленького» человека на путь нарушения закона. Опираясь на традиции Ф. М. Достоевского, Г. Фаллада показывает в своем романе, что жизнь заключенного и в тюрьме, и после освобождения сродни пребыванию в «мертвом доме», так как лишает «униженных и оскорбленных» героев возможности на изменение своей судьбы. Делается вывод, что сопоставление романов «Записки из Мертвого дома» и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» позволяет выявить сходство их идейных установок и наметить перспективы дальнейших исследований рецепции художественного опыта Ф. М. Достоевского в творчестве Г. Фаллады.

Ключевые слова:

Г. Фаллада; Ф. М. Достоевский; рецепция; мотив; лагерная проза; маленький человек.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novels 'Notes from the Dead House' by Fyodor Dostoevsky and 'Wer einmal aus dem Blechnapf frisst...' ('Who Once Drinks from the Prison Chalice') by Hans Fallada are analyzed in terms of literary connections. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive and multifaceted examination of Hans Fallada's literary dialogue with Fyodor Dostoevsky. A number of similar motifs are identified, as well as the fact that there are allusive "cross-references" between the characters of the novels. It is noted that both authors show the destructive influence of imprisonment on the criminal's personality. It is emphasized that in both novels, the criminal is deprived of the ability for spiritual revival, and the writers criticize the unjust social system that pushes the "little" person to break the law. Drawing on the traditions of Fyodor Dostoevsky, Hans Fallada shows in his novel that life for prisoners, both in prison and after release, is akin to being in a "dead house", as it deprives the "humiliated and insulted" heroes of the opportunity to change their fate. It is concluded that comparing the novels "Notes from the Dead House" and "Who Once Drinks from the Prison Chalice" allows for identifying similarities in their ideas and outlining perspectives for further research on the reception of Fyodor Dostoevsky's artistic experience in Hans Fallada's work.

Key words:

Hans Fallada; Fyodor Dostoevsky; reception; motif; camp literature; little man.

Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды»

© Мельникова Л. А., 2023

1. Введение = Introduction

Творчество Ф. М. Достоевского неоднократно становилось объектом рецепции немецкого писателя Г. Фаллады (Hans Fallada; настоящее имя Рудольф Вильгельм Фридрих Дитцен — Rudolf Wilhelm Friedrich Ditzen, 1893—1947). Произведения русского классика входили в круг постоянного чтения Г. Фаллады. Говоря о причинах своего интереса к творческому наследию Ф. М. Достоевского, сам Г. Фаллада отмечал, что с русским писателем его роднит внимание и интерес к униженным, оскорбленным и отчаявшимся героям [Manthey, 1973, S. 163]. Т. Л. Мотылева указывала на то, что в творчестве Г. Фаллады всегда можно найти мотивы, восходящие к «Бедным людям», «Запискам из Мертвого дома», отчасти и к психологии быта, описанной на страницах больших романов Достоевского [Мотылева, 1971, с. 118]. Немецкого писателя, как отмечал Г. М. Фридлендер, сближает с русским классиком глубокое сочувствие «маленькому человеку», тонкое понимание «тайн» его психологии [Фридлендер, 1978, с. 156].

Факт наличия параллелей в произведениях Г. Фаллады и Ф. М. Достоевского, помимо процитированных выше исследователей, также отмечали в своих работах И. Мишин [Мишин, 1974], А. Б. Криницын [Криницын, 2007], а также автор настоящей статьи [Мельникова, 2022].

Однако стоит отметить, что в настоящее время в отечественном литературоведении вопросы интертекстуальных отсылок в произведениях Г. Фаллады к творческому наследию Ф. М. Достоевского исследованы недостаточно подробно и разноаспектно. Сравнительное изучение романов Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» представляется своевременным и перспективным ввиду отсутствия работ, в которых был бы представлен развернутый сопоставительный анализ названных произведений с позиций поэтики. Это обосновывает новизну нашего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются романы Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» и Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома».

Цель исследования состоит в заполнении лакун в изучении проблемы творческого диалога Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским в контексте русско-немецких литературных связей XIX—XX веков.

Автор статьи использовал сравнительно-исторический метод анализа, посредством которого выявляются сходства в мотивной структуре, образной системе, идейном содержании названных произведений. Применение данного метода для анализа художественных миров романов позволяет определить роль традиций Ф. М. Достоевского в формировании мировоззренческой позиции Г. Фаллады и его эстетических установок в аспекте дальнейшей разработки в его романном творчестве социальной проблематики, принципов репрезентации образа «маленького человека», персонажей, относящихся к категории «униженных и оскорбленных».

Теоретической базой исследования явились работы, посвященные различным аспектам изучения «каторжной» и «лагерной» прозы [Малова, 2003; Минералов, 2012; Старикова, 2015; Польш, 2022], романного творчества Ф. М. Достоевского [Карлова, 1974; Захаров, 1985; Габдуллина, 2015; Герикг, 2016; Федорова, 2019; Петрова, 2021] и Г. Фаллады [Дронова, 2005; Каспар, 1990; Manthey, 1973; Gessel, 1976].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века, истории зарубежной литературы XX века, спецкурсах, посвященных русско-зарубежным, русско-немецким литературным связям, специфике немецкого романа XX столетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Романы Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» как произведения лагерной прозы

Роман Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» написан на основе впечатлений, полученных писателем за время пребывания в омском остроге в 1850—1854 годах. Данное произведение примыкает к так называемой «каторжной прозе» в российском литературоведении, см. об этом [Польш, 2022], или ее западному аналогу «арестантской литературе» (Täterliteratur). Под последней понимают произведения авторов, самолично отбывших срок в тюрьмах и исправительных учреждениях и описывающих опыт, приобретенный там, — будь то письма, дневники, стихотворения,

пьесы, романы или документальное повествование [Герикг, 2016, с. 19]. В рамках этого направления созданы такие произведения, как «Сибирь и каторга» С. В. Максимова, «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» П. Ф. Якубовича, «Мои темницы» С. Пеллико, «Баллада Реддингской тюрьмы» О. Уайльда, «В заключении» Вальтера Кемповски, «Наказанное время» Г. Йегера и др. На наш взгляд, правомерно отнести к «арестантской литературе» и роман Г. Фаллады «Кто хоть раз отведал тюремной баланды», поскольку в этом произведении также отражен опыт пребывания его автора в местах заключения.

«Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» Г. Фаллады выделяются в ряду других текстов арестантской литературы тем, что в основе обоих произведений находятся реальные факты. Следя за судьбой героев романа немецкого писателя, читатель забывает, что перед ним книга: говоря словами Тухольского, все слишком реально, «настолько реально, что мороз по коже» [Каспар, 1990, с. 710]. Оголенная реалистичность отличает данный текст от произведений со схожей проблематикой других немецких авторов, например, «Берлин, Александерплац» А. Дёблина или «Наказанное время» Г. Йегера. В романе Ф. М. Достоевского также велик эффект фактографичности, поскольку жизнь сибирской каторги русский классик изображает с протокольной точностью [Герикг, 2016, с. 10—11].

Роман Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» (“*Wer einmal aus dem Blechnapf frißt*”) был написан в 1932 году и опубликован в 1934 году. Он являлся своего рода откликом, с одной стороны, на события из биографии самого писателя, с другой — на приход Гитлера к власти и связанные с этим событиями изменения в социально-экономической жизни Германии. В центре повествования в данном произведении оказывается судьба «маленького человека» Вилли Куфальта. Описывая тюремные будни своего персонажа, а также его окружение, немецкий автор использует некоторые мотивы романа Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» [Мишин, 1974, с. 55]. В обоих произведениях поднимается вопрос о том, как наказание за совершенное преступление, пребывание в исправительном учреждении, влияет на сознание человека, его образ мыслей, поведение, дальнейшую судьбу.

«Записки из Мертвого дома» относятся к числу тех текстов, в которых «поэзия» сочетается с «правдой», художественный вымысел — с сознательным, документально точным, очерковым воспроизведением людей и событий, придающим этим произведениям, помимо их художественной ценности, ценность исторического документа [Фридлендер, 1964, с. 93]. Сохраняя точность и верность действительности, Ф. М. Достоевский соз-

дал такую художественную форму, в которой он как автор обрел удивительную свободу осмысления своего жизненного опыта [Захаров, 1985, с. 175—176].

Необходимо заметить, что рассматриваемые романы отличаются формой повествования. У Ф. М. Достоевского рассказчиком выступает дворянин Александр Петрович Горянчиков, записки которого о годах, проведенных в остроге, после его смерти публикуются неким издателем. Г. Фаллада ведет повествование от лица нарратора, находящегося над миром рассказываемой им истории.

В обоих произведениях присутствует целая галерея образов арестантов. Однако важно отметить различие подходов писателей к репрезентации образов своих героев. В романе «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» герои включены писателем в единый развивающийся сюжет, их характер и поведение раскрываются перед читателем постепенно. В романе же Ф. М. Достоевского, представленного в форме «записок арестанта», каждый герой получает характеристику, даваемую ему устами персонажа-нарратора Александра Петровича Горянчикова. Далее рассмотрим в сравнительном аспекте мотивы, присутствующие в анализируемых текстах.

3.2. Мотив преступления и наказания

Прежде всего, изучаемые произведения объединяет мотив преступления и наказания. Пространством, в котором развиваются описываемые в романах события, у Ф. М. Достоевского оказывается сибирский острог, у Г. Фаллады — тюрьма провинциального немецкого города. В обоих текстах о каждом из персонажей, оказавшемся в поле зрения нарратора, сообщается информация, касающаяся не только срока его заключения, но и того преступления, за совершение которого он оказался за решеткой. И у русского, и у немецкого авторов представлена галерея образов арестантов. Фокусируя свое художественное внимание на образах конкретных героев, оба писателя в то же время приводят своего рода обобщенную классификацию заключенных.

В «Записках из Мертвого дома» Горянчиков характеризует отдельных, наиболее примечательных представителей арестантской среды (Дутова, Газина, Петрова, Аким Акимыча, Алея и других) и делает попытку распределения всех арестантов в зависимости от типа их поведения в остроге по трем группам: 1) наивные и простоватые болтуны, 2) молчаливые (в свою очередь делятся на угрюмых и злых, добрых и светлых), 3) вполне отчаявшиеся.

В романе немецкого писателя центральное место занимает образ Вилли Куфальта. Г. Фаллада показывает особенности взаимоотношений героя с другими заключенными, в первую очередь с Эмилем Бруном, а также с руковод-

ством и персоналом тюрьмы — Рушем, Петровым. Заключенные в немецком романе в зависимости от их дальнейших целей могут быть разделены на две группы: 1) те, кто после освобождения надеются на то, что смогут начать нормальную, законопослушную жизнь (Куфальт, Брун), 2) те, кто после освобождения планирует вернуться к прежней преступной деятельности (Бацке).

В обоих романах авторами сделана установка не на художественный вымысел, а на реалистичность в представлении образов. Так, в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского отсутствуют элементы романтической идеализации обитателей каторги [Фридлендер, 1964, с. 104], как и в повествовании Г. Фаллады, который также стремится представить образы заключенных разнопланово, при этом подчеркивая натуралистические детали их быта. Вместе с тем стоит отметить, что в романе Ф. М. Достоевского система образов арестантов более обширна и разнообразна, нежели в романе Г. Фаллады: «не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя» [Достоевский, 1982, с. 12]. В то же время общей чертой обоих произведений является констатация того, что у заключенных отсутствует чувство раскаяния за нарушение закона.

Кроме того, оба автора обличают общество за то, что в нем создаются такие реалии, которые толкают «маленького» человека на путь порока и преступления. Ф. М. Достоевский проводит мысль о влиянии социальных условий на жизнь человека, вынужденного защищать свои права и человеческое достоинство только с помощью преступления [Мишин, 1974, с. 56]. Человек «выскакивает из мерки», не в силах больше терпеть, он убивает своего врага и притеснителя и из забитого, боящегося всех существа превращается в убийцу, вызывающего ужас и страх у других, так как «режет каждого встречного и поперечного» [Достоевский, 1982, с. 112].

Г. Фаллада ставит социуму в упрек и тот факт, что оно клеймит осужденных после их освобождения. Юридическое наказание для последних, таким образом, сменяется наказанием социальным. Вышедшие на свободу бывшие арестанты ощущают себя изгоями в обществе, причем угнетение «отверженных» в ряде случаев заканчивается трагически. Это подтверждает судьба Эмиля Бруна. Будучи очень талантливым плотником, он из-за своего уголовного прошлого оказался объектом травли на деревоотделочной фабрике, закончившейся убийством Эмиля и сожжением его тела. Проявляющего удивительное усердие и показывающего хорошие результаты Вилли Куфальта увольняют из газеты после того, как полицейские начинают интересоваться его деятельностью и попутно сообщают редактору о судимости Вилли. В результате искреннее желание Куфальта измениться, начать жить в соответствии с законом исчезает, он вновь возвращается к мысли о том, чтобы стать преступником.

3.3. Мотив деградации личности

В обоих текстах прослеживается, какие изменения происходят в личности человека в результате его пребывания в заключении. В романе «Записки из Мертвого дома» Горянчиков отмечает, что «остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие» [Достоевский, 1982, с. 18]. Вместо раскаяния в содеянном и стремления к изменениям у человека возникает озлобление, а его пороки укореняются: «В преступнике острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие <...> знаменитая келейная система <...> высасывает жизненный сок из человека, энервирует его душу, ослабляет ее, пугает ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния» [Достоевский, 1982, с. 18].

В романе Г. Фаллады показывается, как жизнь в заключении уродует душу человека, на примере образа Тильбурга. В тюрьме этот герой ощущает себя диким и злым, хотя внешне своим поведением он ничем не выделяется из общей массы заключенных. Едва оказавшись на свободе, он проявляет всю агрессивную сущность своей натуры: покупает револьвер и убивает нескольких прохожих и сельских жандармов. На суде он комментирует свое поведение одной, но емкой фразой: «Я был так зол на людей!» [Фаллада, 1990, с. 349]. В образе Тильбурга присутствуют аллюзии на образы арестантов Петрова и Дутова из «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Петров ничем не выделялся среди заключенных, однако М. в разговоре с Горянчиковым характеризует его как самого решительного и бесстрашного человека среди всех в остроге, который «зарезет, не поморщится и не раскается» [Достоевский, 1982, с. 107]. Именно Петров был тем каторжным, который хотел убить злейшего врага всех арестантов, плац-майора по кличке Восьмиглазый. Характеру Петрова присуща некоторая противоречивость: убив своего начальника за телесные наказания, в остроге он беспрекословно ложится под розги. Его агрессия, решительность, порывистость скрыты под маской беспечности и напускной праздности. Дутов же сразу после освобождения снова совершает кражу, попадает под следствие, убивает караульного офицера и получает более строгое наказание. Поступками его руководят при этом в большей степени трусость и фанфаронство. Пребывание в остроге не лишает его преступных наклонностей, а, напротив, укрепляет их. Судьбы этих персонажей наглядно демонстрируют, что «несмотря ни на какие меры, живого человека нельзя сделать трупом: он останется с чувствами, с жаждой мщения и жизни, с страстями и с потребностями удовлетворить их» [Там же, с. 56].

Немецкий автор опровергает в своем романе тезис, согласно которому тюрьма способствует исправлению человека. На рукаве куртки Вилли Куфальта три белых нашивки, которые свидетельствуют о том, что он относится к третьей категории заключенных, то есть «его поведение “позволяет сделать вывод о глубоком нравственном выздоровлении и примерном поведении по выходе на свободу”» [Фаллада, 1990, с. 292]. Однако незадолго до своего освобождения Вилли устраивает в тюрьме скандал сеточному мастеру. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский много рассуждает о душевном состоянии арестантов, в том числе и о перепадах их настроения. Внезапные эмоциональные взрывы у заключенного — «это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженность, вдруг доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» [Достоевский, 1982, с. 85].

Г. Фаллада показывает, что пребывание в заключении ломает психику человека, утверждает его во мнении, что нравственное перерождение для него невозможно. Все это накладывает свой отпечаток на образ жизни и мыслей бывших арестантов на свободе: «Нет, они люди конченные, отпетые, им уже в плоть и кровь вошло, что нормальным путем ничего не добиться, что они уже никогда не смогут вернуться к спокойной упорядоченной жизни. Ощущение это пришло к ним сразу после приговора, в тюрьме усилилось, а по выходе из нее так укоренилось, что не вытравить» [Фаллада, 1990, с. 469]. Эти умозаключения немецкого писателя вторят убеждениям русского классика: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром!<...> Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» [Достоевский, 1982, с. 300—301].

Характеризуя образы Монте, Енша, Эзера, Дойчмана, Фассе, Г. Фаллада обращает внимание на тот факт, что «в их крови что-то разложилось, а в мозгу сместилось» [Фаллада, 1990, с. 479]. В результате все попытки последних начать вести законную трудовую деятельность, такие, например, как открытие машинописного бюро, терпят крах.

Пребывание в тюрьме учит заискивать, воровать, доносить, приучает жить по режиму и в итоге притупляет в человеке силу воли и умение держать удар перед лицом житейских бурь: «Вот он сидит, Вилли Куфальт, ему за тридцать, он, словно незрелый подросток, пасует перед любой трудностью. Разве он всегда был таким? Нет, таким он стал, таким его сделали! Его там сломали!» [Там же, с. 480]. Осознание собственной никчемности порождает в заключенных озлобленность и жажду мщения. Первоначаль-

но стремящийся измениться, стать добропорядочным и законопослушным, Вилли Куфальт в итоге сталкивается с презрением, одиночеством, бедностью. Не выдержав подобных испытаний, он ищет способы вновь попасть за решетку, поскольку, по его мнению, тюрьма избавит его от необходимости справляться с проблемами и самостоятельно принимать решения. В результате он начинает красть у девушек сумочки. Каждую свою новую жертву, перед тем как ограбить, Куфальт бьет по лицу. Ему становится скверно от этого, однако он понимает, что «мир, прежде серый и измученный, станет опять светлым только потому, что другие тоже страдают» [Там же, с. 641].

Тюрьма, острог — это место не нравственного преобразования человека, а место окончательного разложения его личности. В изображении Достоевского каторга является захоронением живых людей [Карлова, 1974, с. 135], в изображении Фаллады тюрьма становится местом угасания жизненной энергии и бесповоротного нравственного падения заключенных.

Таким образом, Ф. М. Достоевский и Г. Фаллада сходятся во мнении о том, что жизнь в заключении не исправляет человека, не способствует его возвращению на путь законопослушной жизни, а, напротив, угнетает его, укореняет в нем пороки, лишает способности нормально жить и взаимодействовать с другими людьми.

3.4. Мотив деспотизма

Изображая острожные и тюремные реалии, оба писателя особый акцент делают на образах надзирателей, посредством представления которых в рассматриваемых романах реализуется мотив деспотизма. Так, И. Мишин справедливо указывает на то, что образ главного тюремного надзирателя Руша из текста Г. Фаллады отчасти перекликается с образом Восьмиглазого плац-майора из романа Ф. М. Достоевского.

В «Записках из Мертвого дома» майор предстает как «некое фатальное существо для арестантов; он довел их до того, что они его трепетали. Был он до безумия строг, “бросался на людей”, как говорили каторжные» [Достоевский, 1982, с. 16]. Его отличительной чертой является взгляд: «Всего более страшились в нем его пронизательного, рысьего взгляда, от которого нельзя было ничего утаить. Он видел как-то не глядя. Входя в острог, он уже знал, что делается на другом конце. Арестанты звали его восьмиглазым» [Там же].

Майор представляет собой тип самодура и деспота, теряющего порой способность к трезвым оценкам ввиду собственной безнаказанности, чувства вседозволенности: «он только уже озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками, и если б не было над ним коменданта, человека благородного и рассудительного, умерявшего иногда

его дикие выходки, то он бы наделал бед своим управлением» [Там же, с. 16—17].

В романе Г. Фаллады портрет главного тюремного надзирателя Руша также содержит ряд указаний на тираническую сущность его характера: «этакий маленький, заросший щетиной бонапартик, истинный властитель тюрьмы, молчун и любитель ошарашить арестантов неожиданным ходом, непримиримый враг любых новшеств, противник деления арестантов на категории, а также директора, других тюремщиков и каждого заключенного в отдельности» [Фаллада, 1990, с. 303]. Руш любит только собственные шутки, в арестанте ценит прежде всего смирение. Свое недовольство убранством камеры он выражает не только словами, но и конкретными действиями, пиная мебель и посуду.

Образы Восьмиглазого и Руша объединяет мотив всевластия и деспотизма, обоим героям присущи жестокость, пронизательность, склонность к самоутверждению посредством унижения арестантов. Внешнее сходство между героями усиливает также тот факт, что оба они носят очки.

Г. Фаллада не ставит в своем романе вопроса о возможности перемен в личности Руша. В романе же Ф. М. Достоевского есть эпизод, свидетельствующий о том, что общественное мнение и оценка способны на некоторое время изменить поведение майора, однако надеяться на значительные нравственные метаморфозы в поведении последнего, по мнению русского классика, не представляется возможным. Майор часто появляется перед арестантами в пьяном либо в полупьяном виде. Однажды он приказал без особой на то причины высечь арестанта Ж-кого, политического преступника, имеющего дворянское звание. Вскоре об этой истории узнал весь город: общество, в том числе и генерал-губернатор, осудили Восьмиглазого за этот поступок. Ввиду возникшего общественного резонанса плац-майор был вынужден вызвать из острога Ж-кого и в разговоре с ним выразить раскаяние за содеянное. Правда, даже прося прощения, Восьмиглазый постоянно подчеркивает перед арестантом свое превосходство: «Я, я, я — раскаиваюсь! <...> Понимаешь ли ты, что я, я, твой начальник, призвал тебя с тем, чтоб просить у тебя прощения! Чувствуешь ли ты это? Кто *ты* передо мной? червяк! меньше червяка: ты арестант! а я — божью милостью майор. Майор! понимаешь ли ты это?» [Достоевский, 1982, с. 283]. Горяничков же оценивает этот жест неоднозначно, хотя и с некоторой надеждой, что Восьмиглазый не настолько бесчеловечен и безнравственен, как кажется, однако тут же подвергает свое предположение сомнению: «Стало быть, было же и в этом пьяном, вздорном и беспорядочном человеке человеческое чувство. Взяв в соображение его понятия и развитие, такой поступок можно было считать почти великодушным. Впрочем, пьяный вид, может быть, тому много способствовал» [Там же].

Если плац-майор ведет себя преимущественно как человек с порывистым, вспыльчивым характером, то Руш в отдельных эпизодах романа Г. Фаллады показан сдержанным и расчетливым. Например, он предстает таковым во время ссоры Куфальта и сеточного мастера. Руш молча слушает их перебранку, поскольку «в часы, когда приятели ссорятся, а друзья поливают друг друга грязью, он собирает материал против заключенных и против деления их на категории, содержание его докладных само плывет к нему в руки» [Фаллада, 1990, с. 320].

Оба автора используют схожие сравнения для характеристики своих персонажей. Описывая первую встречу с плац-майором, Горянчиков приводит его портрет: «Багровое, угреватое и злое его лицо произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» [Достоевский, 1982, с. 278]. В романе Фаллады надзиратель Руш, находящийся в дежурной комнате и обозревающий коридоры и двери всех камер тюрьмы, сравнивается с пауком на паутине. Мотив хищничества, присутствующий в образах обоих героев, усиливается посредством сравнения каждого из них с пауком.

Изображая надзирателей-деспотов, оба автора утверждают мысль о том, что издевательское отношение каторжной и тюремной администрации к заключенным оказывает на последних негативное, разрушающее влияние, укореняет в них жестокость, ненависть и жажду мщения.

3.5. Мотив свободы

В обоих произведениях, уже в первых главах, возникает мотив свободы. Заключенные связывают освобождение с началом нового, светлого жизненного этапа. Тоска по свободе является отличительной чертой героев-арестантов и у Ф. М. Достоевского, и у Г. Фаллады.

Применительно к роману «Записки из Мертвого дома» исследователи используют понятия «призрак свободы» и «нравственная свобода»: «“Призрак свободы” имеет отношение к внешней свободе как к иллюзии поработченного сознания, “нравственная свобода” помогает осмыслить феномен внутренней свободы в ситуации принципиальной недостижимости физической свободы раньше отмеренного срока пребывания на каторге» [Петрова, 2021, с. 345]. В романе Г. Фаллады также присутствуют феномены внешней и внутренней свободы.

Мотив внешней свободы в обоих произведениях реализуется посредством использования выразительных художественных деталей: в романе Ф. М. Достоевского — это щели забора, в которые смотрит Горянчиков, в романе Г. Фаллады — зарешеченное окно тюремной камеры, сквозь которое Куфальт, рискуя упасть с высоты или быть застигнутым надзирателем, любуется скудными фрагментами городского пейзажа.

В обоих романах показывается, как заключенные различными способами пытаются обрести «призрак свободы». В «Записках из Мертвого дома» — это деньги, вино, кутеж, неформенная одежда, любовные похождения, выбор коня [Там же, с. 347]. В романе «Кто хоть раз отведал тюремной баланды» — деньги, любовные связи между заключенными, табак.

Этическая свобода требует от личности активности иного рода: она открывается через доброе слово и добрый поступок, ее реальность не иллюзорна, она снимает с души оковы и дает доступ к «всемирному братству» [Там же, с. 346]. У Горянчикова сознание свободы как нравственного освобождения от озлобленности и раздражения реализовывалось разными путями: через уроки русского языка Алею, через радость держать в остроге собственное животное — щенка Культяпку [Там же, с. 351].

Куфальт, показанный в начале романа Г. Фаллады за несколько дней до обретения им внешней свободы, стремится в то же время достичь и свободы этической, которая в его представлении связана с избавлением от навыков, приобретенных в тюрьме: «Все эти пакости, которым я здесь научился, только затрудняют жизнь. Раньше, когда я просто сидел в своей камере, не умел ни ловчить, ни стучать, было куда легче. Надо постараться, чтобы жить опять стало легче <...> И начать новую жизнь надо честно, все равно как, но честно» [Фаллада, 1990, с. 327]. Однако в отличие от Горянчикова Куфальту не свойственны альтруистические поступки, его поведение в тюрьме эгоистично и основывается в первую очередь на желании получения личной выгоды.

В аспекте художественной разработки мотива свободы оба романа отличаются в том, что у Ф. М. Достоевского присутствует тема побега как способа достижения внешней свободы, а в романе Г. Фаллады она не упоминается.

Таким образом, в обоих произведениях свобода, «воля» представлены в качестве высшей ценности для арестантов. И Ф. М. Достоевский, и Г. Фаллада затрагивают проблему внутренней и внешней свободы. Горянчикову, благодаря помощи ближнему и смирению, удается достичь подлинного нравственного освобождения. Он покидает каторгу внутренне свободным человеком. Сознание же вышедшего из тюрьмы Куфальта продолжает оставаться скованным и ограниченным. Отсутствие этической свободы лишает его уверенности в себе и приводит к совершению череды ошибок в ходе пребывания на «воле»: от нарушения запретов, данных Петровым, до совершения впоследствии новых преступлений.

3.6. Мотив надежды на духовное воскресение

Свое освобождение и Куфальт, и Горянчиков связывают с надеждой на духовное воскресение. Герой Ф. М. Достоевского завершает свои записки

фразой: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» [Достоевский, 1982, с. 302]. Однако впоследствии из упоминаний издателя записок мы узнаем, что воскреснуть Александру Петровичу на воле так и не удалось — он сторонился людей, замкнулся в себе. Хотя необходимо заметить, что на этот счет исследователи расходятся во мнениях. Одни, например Ю. М. Лотман, полагают: заглавие романа Ф. М. Достоевского позволяет утверждать, что процесс воскресения в нем отсутствует [Лотман, 1997, с. 725]. Мы разделяем точку зрения Ю. М. Лотмана и считаем, что каторга, «мертвый дом» становится местом захоронения лучших качеств Горяничкова. Надломленный душевно, Александр Петрович через несколько лет после освобождения умирает. Другие исследователи, например В. И. Габдуллина, К. Итокава, убеждены в обратном [Габдуллина, 2015; Итокава, 1995]. С их точки зрения, логика композиции произведения выстраивается от ада к воскресению. В первой части помещена глава «Праздник Рождества Христова», а в части второй в главе «Летняя пора» идет речь о Святой неделе и Пасхе. Таким образом, герой повторяет путь Христа: от рождения, через смерть (условную) и ад к воскресению [Габдуллина, 2015, с. 102—103].

В романе Г. Фаллады религиозные мотивы отсутствуют, однако название произведения также представляется глубоко символичным. Оно утверждает мысль о том, что человек, однажды совершивший преступление и отбывший тюремный срок за это, уже никогда не сможет вернуться к нормальной жизни: «Они живут как бы на обочине жизни, боятся любой сплетни, любого полицейского <...> но больше всего они боятся самих себя. Они уже не верят себе и на себя не надеются: все равно когда-нибудь да сорвутся. Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды, тот весь век будет ее хлебать» [Фаллада, 1990, с. 469]. Пребывание в заключении морально ломает человека, убивает в нем веру в себя. Достаточно показательно в этом отношении поведение Вилли в первые часы после освобождения. Надзиратель Петров напоминает ему о приметах, соблюдение которых помогает избежать возвращения в места лишения свободы. Для этого он плюет Вилли на спину и просит его не вытирать его слюну, а также не оборачиваться после выхода из тюремного здания. Куфальт нарушает оба этих запрета, потому что подсознательно понимает, что не готов к позитивным переменам в своей судьбе.

Беседуя на свободе с пастором Марцетусом, Вилли признается: «...я стараюсь, я изо всех сил стараюсь. Но, как ни стараюсь, что-то во мне вдруг обрывается, я как бы заболеваю, но не по-настоящему <...> просто от долгого сидения в тюрьме кажется, будто у тебя совсем нет сил и ты ни на что не способен» [Фаллада, 1990, с. 438—439]. Через некоторое время Куфальт утрачивает способность к сопротивлению жизненным трудно-

стям. Наличие у него судимости становится барьером, препятствующим получению желаемой работы, созданию семьи, выстраиванию отношений с окружающими. В результате Вилли все чаще приходит к выводу о том, что тюрьма — это «счастливый островок в окутанном тумане сером море жизни <...> Жил себе преспокойно в камере и не думал ни о деньгах, ни о голоде, ни о работе, ни о крыше над головой!» [Там же, с. 512]. Аналогичная идея присутствует и в романе Ф. М. Достоевского. «В Записках из Мертвого дома» отмечается, что многие арестанты, попав на каторгу, чувствуют себя более сытыми и даже более вольными в атмосфере каторжного «товарищества», чем они были до каторги [Фрилендер, 1964, с. 102].

Таким образом, и для Куфальта, и для Горяничкова духовное воскресение остается лишь мечтой, которая оказывается несопоставимой с реальной действительностью. Оба героя не смогли до конца адаптироваться в новой для них реальности. Куфальт снова стал преступником, Горяничков через несколько лет после освобождения умер.

4. Заключение = Conclusions

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что романам Ф. М. Достоевского и Г. Фаллады присущ гуманистический пафос. В обоих произведениях к числу центральных относится проблема губительного влияния пребывания в заключении на личность преступника: он лишается способности к нравственному преображению и духовному воскресению. И русский, и немецкий авторы убеждены, что несправедливое общественное устройство часто толкает «маленького человека» на путь преступления, а затем не дает ему возможности вернуться в русло достойной и законопослушной жизни. Опираясь на традиции Ф. М. Достоевского, Г. Фаллада показывает в своем романе, что жизнь заключенного и в тюрьме, и на свободе сродни пребыванию в «мертвом доме», так как подобное существование лишает «униженных и оскорбленных» героев возможностей на осуществление кардинальных перемен в своей судьбе. Немецкий писатель, как и русский классик, основное внимание сосредоточивает на изображении внутренних переживаний своих героев. Г. Фаллада с горечью констатирует, что доведенные до крайней степени отчаяния персонажи, испытывая приступы озлобления, начинают совершать новые преступления для того, чтобы, с одной стороны, отомстить обществу, с другой — вернуться в тюрьму и избавить себя от унижений, испытываемых ими на свободе.

Важно отметить, что Ф. М. Достоевский трактовал пребывание своего героя на каторге с позиций религиозной метафоричности, рассматривая его как средство очищения посредством страдания. Русский классик показывает, что Горяничков действительно достигает состояния духовного умиротво-

рения и внутренней свободы в момент своего выхода из острога. Однако в дальнейшем писатель показывает, что данный персонаж достигает лишь частичной социальной и моральной реабилитации на свободе: «мертвый дом» убил в нем стремление к полноценной жизни. Это подтверждает скорая смерть Горянчикова.

Г. Фаллада же не использует религиозных мотивов, он делает акцент на подробном изображении социально-психологических последствий пребывания в заключении для личности своего героя. Тюрьма не способствует очищению души и совести Куфальта, а ведет к утрате у него навыков адаптации к нормальной жизни на свободе. Судьба Вилли Куфальта является наглядным примером того, что тюрьма лишает человека точки внутренней опоры, веры в себя. Ярлык «бывший заключенный» порождает между ним и социумом непреодолимый барьер. В результате Вилли оказывается неспособным найти себя в пространстве вне исправительного учреждения, и вследствие этого он вынужден снова начать совершать преступления.

Выявленные параллели в поэтике романов «Записки из Мертвого дома» и «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» свидетельствуют о сходстве идейных и мировоззренческих позиций русского и немецкого писателей-реалистов, а также позволяют наметить направления дальнейших исследований по выявлению значения традиций Ф. М. Достоевского для разработки проблемы «маленьких», «униженных и оскорбленных» героев в романном творчестве Г. Фаллады.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* в 12 т. — Москва : Правда, 1982. — Т. 3. — С. 5—302.
2. *Фаллада Х.* Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды / Х. Фаллада // *Собрание сочинений*. В 4-х т. Маленький человек, что же дальше? Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды... : романы : пер. с нем. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. I. — С. 291—686.

Литература

1. *Габдуллина В. И.* Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина // *Сюжетология и сюжетология*. — 2015. — № 2. — С. 101—108.
2. *Геригк Х. Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х. Ю. Геригк : авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — Санкт Петербург : Издательство Пушкинского Дома ; Нестор-История, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-87781-042-6.

3. Дронова О. А. Человек и история в романе Г. Фаллады «Маленький человек — что дальше?» / О. А. Дронова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2005. — № 2 (38). — С. 47—52.
4. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика / В. Н. Захаров. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. — 209 с.
5. Итокава К. Записки о «Живом доме» / К. Итокава // Достоевский в культурном контексте XX века. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 1995. — С. 152—157.
6. Карлова Т. С. О структурном значении образа «мертвого дома» / Т. С. Карлова // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. 1. — С. 135—146.
7. Каспар Г. Историко-литературные заметки / Г. Каспар // Х. Фаллада. Собрание сочинений в 4 т. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1. — С. 689—717.
8. Криницын А. Б. Достоевский в Германии / А. Б. Криницын // Достоевский и XX век ; под редакцией Т. А. Касаткиной. В 2-х томах. — Москва : ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 2. — С. 178—249.
9. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа / Ю. М. Лотман // О русской литературе. — Москва ; Санкт-Петербург : Искусство — СПб, 1997. — 848 с.
10. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX—XX вв. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. В. Малова. — Саранск, 2003. — 236 с.
11. Мельникова Л. А. Мотивы «Бедных людей» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Маленький человек, что же дальше?» [Электронный ресурс] / Л. А. Мельникова // Русский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 8 (36). — Режим доступа : <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.22> (дата обращения 12.07.2023) — DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.22>.
12. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX века / А. Ю. Минералов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 18. — С. 106—112.
13. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство) : учеб. пособие по спецкурсу / И. Мишин. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 1974. — 135 с.
14. Мотылева Т. Л. Достоевский и зарубежные писатели XX века / Т. Л. Мотылева // Вопросы литературы. — 1971. — № 5. — С. 96—128.
15. Петрова Ю. В. Образ свободы в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» / Ю. В. Петрова // Достоевский в смене эпох и поколений. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. — С. 345—358. — ISBN 978-5-7779-2566-4.
16. Польш Д. В. «Лагерная проза» : взгляд из XXI века / Д. В. Польш // 1920-е и 2020-е : взгляд сквозь столетие : материалы XXVI Шешуковских чтений. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. — С. 158—164.
17. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века : понятие, границы, специфика / Л. С. Старикова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—4 (62). — С. 169—174.
18. Федорова Е. А. Автор в художественном дискурсе «Записок из мертвого дома» Ф. М. Достоевского / Е. А. Федорова // Социальные и гуманитарные знания. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 181—186.

19. Фридлендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. / Г. М. Фридлендер // Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 117—174.
20. Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридлендер. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 405 с.
21. Gessel A. Hans Fallada : Leben und Werk / A. Gessel. — Berlin : Hans Fallada, 1976. — 176 S.
22. Manthey J. Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / J. Manthey. — Hamburg : Reinbek, 1973. — 188 S.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023,
одобрена после рецензирования 28.08.2023,
подготовлена к публикации 22.09.2023.

Material resources

- Dostoevsky, F. M. (1982). Notes from the Dead House. In: *Collected works in 12 volumes*, 3. Moscow: Pravda. 5—302. (In Russ.).
- Fallada, X. (1990). Who has ever had a sip of prison balanda. In: *Collected works. In 4 vol., 1. Little man, what's next? Who has ever had a sip of prison balanda ...: Novels: Trans. with him*. Moscow: Fiction. 291—686. (In Russ.).

References

- Dronova, O. A. (2005). Man and history in G. Fallada's novel "Little Man — what's next?". *Bulletin of the Tambov University. Humanities series*, 2 (38): 47—52. (In Russ.).
- Fedorova, E. A. (2019). The author in the artistic discourse of "Notes from the dead house" by F. M. Dostoevsky. *Social and humanitarian knowledge*, 5 (2): 181—186. (In Russ.).
- Friedlander, G. M. (1964). *Dostoevsky's Realism*. Moscow; Leningrad: Nauka. 405 p. (In Russ.).
- Friedlander, G. M. (1978). Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century. In: *Dostoevsky in foreign literatures*. Leningrad: Nauka. 117—174. (In Russ.).
- Gabdullina, V. I. (2015). The motive of death-resurrection in the Siberian text of F. M. Dostoevsky. *Plotology and photography*, 2: 101—108. (In Russ.).
- Gerigk, H. Y. (2016). *Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"*. Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House; Nestor-History. 320 p. ISBN 978-5-87781-042-6. (In Russ.).
- Gessel, A. (1976). *Hans Fallada: Leben und Werk*. Berlin: Hans Fallada. 176 S. (In Germ.).
- Itokawa, K. (1995). Notes about the "Living House". In: *Dostoevsky in the cultural context of the twentieth century*. Omsk : Publishing House of OmSPU. 152—157. (In Russ.).
- Karlova, T. S. (1974). On the structural meaning of the image of the "dead house". In: *Dostoevsky. Materials and research*, 1. Leningrad: Nauka. 135—146. (In Russ.).
- Kaspar, G. (1990). Historical and literary notes. In: *H. Fallada. Collected works in 4 volumes, 1*. Moscow: Fiction. 689—717. (In Russ.).
- Krinit syn, A. B. (2007). Dostoevsky in Germany. In: *Dostoevsky and the twentieth Century; In 2 volumes*, 2. Moscow: IMLI RAS. 178—249. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997). The plot space of the Russian novel. In: *About Russian literature*. Moscow; Saint Petersburg: Iskustvo — SPb. 848 p. (In Russ.).

- Malova, Yu. V. (2003). *Formation and development of "camp prose" in Russian literature of the XIX–XX centuries*. PhD Diss. Saransk. 236 p. (In Russ.).
- Manthey, J. (1973). *Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Hamburg: Reinbek. 188 S. (In Germ.).
- Melnikova, L. A. (2022). The motives of "Poor People" by F. M. Dostoevsky in G. Fallada's novel "Little Man, what's next?". *Russian Linguistic Bulletin*, 8 (36). Available at: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.22> (accessed 12.07.2023) DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.22>. (In Russ.).
- Mineralov, A. Yu. (2021). "Hard labor camp" story-figurative tradition in Russian prose of the twentieth century. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 18: 106—112. (In Russ.).
- Mishin, I. (1974). *Dostoevsky and foreign writers (the main problems of creativity, traditions and innovation): studies. The manual on the special course*. Rostov-on-Don: [b. i.]. 135 p. (In Russ.).
- Motyleva, T. L. (1971). Dostoevsky and foreign writers of the twentieth century. *Questions of literature*, 5: 96—128. (In Russ.).
- Petrova, Yu. V. (2021). The image of freedom in the story of F. M. Dostoevsky "Notes from the Dead House". In: *Dostoevsky in the change of epochs and generations. Materials of the II International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky*. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 345—358. ISBN 978-5-7779-2566-4. (In Russ.).
- Pol, D. V. (2022). "Camp prose": a view from the XXI century. In: *1920s and 2020s: a look through the century: materials of the XXVI Sheshukov readings*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. 158—164. (In Russ.).
- Starikova, L. S. (2015). "Camp prose" in the context of Russian literature of the twentieth century: concept, boundaries, specifics. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2—4 (62): 169—174. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (1985). *Dostoevsky's system of genres. Typology and poetics*. Leningrad: Leningrad University Press. 209 p. (In Russ.).

*The article was submitted 23.07.2023;
approved after reviewing 28.08.2023;
accepted for publication 22.09.2023.*